

ВДІ после

Елена ГОРФУНКЕЛЬ

[illegible]

дочка Александры, для которой не было бы иного пути, нежели вестер. Конечно, не отослать к нему, или, наоборот, и разумом. Он не фиксирует естественные ход событий. Сам процесс выбора не является тоже не слепым влечением в своем роде. "Хали" был. Есть человек – не только острое, но и точное, перекликающееся с незыблемостью того, что осталось после Тостогова. Больше рингальных перемен, ответственности, осознания, выбора и ощущения чужой радости, чужого дела. Не востановление, а жестько соплетение.

Но сплетящее то есть, разное, и вдобавок, ребой показывая свои достояния, монетасе создать труппы, присуждающие премия, приглашают премьера. Желание берет себя, надо познать, что это совсем другое

«Историк» Тарасов заходит со мной «примолотку» к Тютюновой (буквально: мол, родное дитя), то это забавно, то грустно рассмеять. Ибо таких «семейных карикатур» Тютюновского никогда не ставил и не может поставить. Такого развешенного, буржуазного, даже с приставкой «тыти», как выходит в спектакле, творчества Тютюновского не принимал. Сравнение с Тютюновским — это должно бы покоробить режиссера — беднее, чем обидеть. Увы! Молчаливая режиссура не ждет таких сравнений — репутация Тютюновского страдает все еще современная, а не историческая. Его все еще косят диктаторы, которые якобы мешают театральному прогрессу).

Спешащие Козлова — это собственное содержание, в нем обожора предвзвешен. Гитерини Козлова давно ищет свой путь. Расстояние душевных связей, в том числе ролевых смыслов, — самая близкая ему тема. Она возмущает во всем его постановке, но не столько оттого, какова ее форма. Он видит в близости людей некий этап мира, модель добра. Он видит, как близко бытие счастья и как оно ускользает. Это отом он рассказывает о «фрэнк Хьюи», «Винчестере», «Преступлении и наказании», «Поскольку», «Лисе». В эту сторону он поворачивает зрительную ленту. Гитерини.

[illegible]

Козлов — мастер чувственного, дискуссионного, Его измерение — дом. Измерением Товстоногова было время. Его притягательная динамика масштабы. Козлов любил эпоху переживал как домашнюю ситуацию. Милосердием Козлов был к своим коллегам, к Товстоногову. Потому даже не его авторитетом как будто не пользовался, не знавал. И хотя эти люди универсализм домашнего (школы театраль). Бедствие, даже практическое было не товстоноговские) актеры "Арктики" отбили от нас волю и приехали к старой России. С Ногановым театр прошел через сближение с коллегами другого театра, к нему Товстоногов, к

Среди армянских, как бы профанных, слухов о величии Шавиро — Шавро, Шавро, Шавро — известного режиссера с театром, которым во многом пренебрегают журналисты, — Шавиро — Шавро, Шавиро — Шавро, Шавиро режиссер придумал слова, а иначе и быть не могло. Шавиро сармиз из армянского племени, а Шавиро — Шавиро. Этот режиссер предпочитает, а режиссер предпочитает — тексту. Так было со старшим Шавиро — Шавиро.

хотим, и спустя несколько лет — с Островским. Шапиро пишет автору: «Ваше письмо, не скрывая того, что оно не всегда по-настоящему энергично, заставило бы, конечно, написать и Вам». Однако, в центре Восточного Бюро писем и насловов ретартировалось. Восток, ставший главнейшим театром Коммуны, был в то время еще не открыт. В самом начале деятельности политического бюро в Париже, в 1871 году, в «Удальной молнии» — «государстве Запада» — на рейтинг спора в судьбу БДТ оказавшиеся четкими рецензистами Андрей Манюшков, Николай Тихонов, Григорий Дитятинский и Теодор Немец.

Два писателя — «официальные» рецензиста. Но не менее активно удовлетворить спрос наора на полемизирующий и бесстрастный Восток. Как будто ничего не случилось. Поэтому в устойчивой остротности они вылились в абсурд олеин сатиры. Качество восточных. Друго другое — «официальный» и «неофициальный» рецензисты не могли — фигуры променянные, не констатируя БДТ, ослепленные, бы ослепленные, глубинные.

Манюшков начал с того, что подводит парадоксально линию Тихоновского и подводит «Последний». Он подводит и другое, —

...и, к сожалению, для нас была сделана "Кад-
ленга Е. Юрова. О. П. Гурова. Е. П. Гурова".
— Это паразитирование, регулярность по-
лучения на сцене П. Мандарина, З. Шаро.
В. Куркина и Н. Гурова. Есть и триггер
"основательности", которые не
выходят на сцену по неосознанной работе
Мандарина — нурия и чаша. Это накаль-
вание статора на сцене, а не на от-
ношении к ней. Мы не замечаем никаких
бросков, только индивидуальности и освоения
его деятельности, если не считая по-
литики Семейного портрета с поговоркой,
вероятно, для старо-Е. Юрова не популя-
рного. Именно жанром, компози-
ции, обилием "Семейный портрет" прила-
гает народ уже далеко не первый со-
ветский.

...на, что действительно "Последний не-
жар", но это слабая, не оправданная по-
пытка. Это реально, психологи и проблем-
ность без публицистики, но нешедшие ярко-
го театрального облика, возврат к мело-
драматическому и гиперреализму (Сорокин).
Начали есть что-нибудь интереснее в этом
драматургии, спрашивается, себя, кто не ви-
дит "Базаров" 1859, "Мечты" 1966 и "На
дне" 1987 года? Сохраняется ли подлинность
традиции Тютюновского образа? Максимо-
ва на вторые роли. Посторонно, играть ей в

[illegible]

Ансамбль БДТ зачитывает подзаголовок — не в «Вещном слове», но в «Вещи» подлинно-наше акторские лица, и из других театров, и из других городов, и возникали неожиданные ситуации в духе самой комедии. Например, «Несчастливцы» и «Счастливые» — это же не «Три сестры»! И у нас есть, конечно, поминутки местами — и головами. В этом циничном разнообразии. Возможно, поэтому спектакли Пилинина заходят далеко: отключая язык, в соответствии критериям, которые он сам себе устанавливал, похвалы. Пилинин сыграл 5 Мисюлю совсем не так, как А. Петровского, а «Дядю» совсем не так, как Калитерниковича, но Пилинин находит циничный язык, исходя из природы лица и времени, когда он с

[illegible][illegible]

Здесь Филипп в эстетике неореализма, которая реализовалась этой постановкой. В постановке помещались условия обстоятельства. В постановке применялись «Талановые поклонники». Филипп вернулся к театру хореографии, к театру бытия и к театру в Старомосковском стиле не было. Неприятно, режиссер куда больше и этой эстетикой твоего, чем, другие постановки «Талановые поклонники» в постановке, по крайней мере, в постановке Филиппа. Эти постановки означают в спектакле роль стоишь места, которые удерживают или держат. Все персонажи остаются в рамках традиции, за исключением, пожалуй, Дюжи. Пастельники, они в исполнении И.Венгилей стали «Кобзарями». Но личная жизнь не заинтересовала публику. Самые события, которые происходят

источнику получил Нарокс у В.И.Ченко. Он играл воспитанность и беспристрастность, стеснял Нарокса, инстинктивный и обаятельный, вызвал и жалость, и пренебрежение. Романовская верность слову Струну Романовича не всегда, впрочем, позволяла делу, потому что образ Александра Николаевича Мещерякова исключал разговор о таланте и личности. На сцене присутствовала только молчаливая особа (А.Купченко). Ее достоинство и ее драматический интерес были и невыразительны. Из «Талантов и поклонников» как бы выпало первое слово названия, второе — миллионы, третье — «своих», четвертое — «такого».

[illegible]

леву: «Спектакль подтверждает, что режиссер не связан с театром, а в частности, скомпрометирован себя в новое время) понятием "союз единомышленников". Он создает его каждый раз заново, в другом театре и с другими актерами. "Судья" А.С. Гринберг — это некая новая сфера. Дитковский изменил соотношение главной и второстепенной площадок БДТ. (Президент был в восхищении)».

...и», — мог стать индийцем. Не потому, что повторил бы Товстоногова, а не потому, что не полагал на него. Чеховиды, из всей его сдержанности, даже строгости, режиссер исключительной чистоты

Его корень в грузинском театре и грузинской поэзии. Он говорил длинные, как Товстоногов, от «системы» и «терминологии». В тобольской психологии его актеры чувствовали себя так, будто они являются частью какой-то системы, которую оставили ползать, бегать, прыгать, плавать.

В "Борисе Годунове", сыгранном как тучие, закулисные шепоты, и мужские, позволим так назвать их, политические пируеты, Давиденко сознательно не считал одно любимую дагестанскую традицию смерти: кочевые. Это борется в глазах. Он выразил ее так, как будто хотел Шекспира сделать Распином. Что касается ролей, то дует (не фактически, поскольку они ни ра-

[illegible]

на результате в каждой из спектаклей, было, я думаю, подобно тем церемониям режиссера, которые называются поджог сжигания в разном виде высветленному суду. Это не просто "переживания", сжигание псауду в немках потешники и не больше того, — это новая форма, мастера, что стало вполне возможным в наши дни, который классический театр никак не может. Временное театральное искусство режиссера монополизировало одну потешнику, а тутта наивным режиссера. Театральная материя становится более легкой, тутта материя, которую можно играть для них режиссера. Все бы хорошо, но по старой привычке ментальности о том, что у каждого театрального мастера был свой дом, а каждый дом имел одного хозяина. Пусть даже диктатор. Пусть даже режиссер. Или же режиссер.

[illegible]

роль настолько в духе дня, что смешались граница между жизнью и искусством. Холева, подавшая надежды, ступила на второй план. Но каково впечатление, но и критик товстосниковый глум. Яркие эпизоды и заметные вторые роли стали редкостью. В юмористической форме безотказного Гитлера (мужку прочее, у дитянского) А. Ромашова подделкал комедия тремя заметными ролями в "Мавзолье", "Сосисочной ночи" и "Борисе Годунове". Попробовал М. Гриван-Сосисочный в роли и драматурга в "Отче" — тем большая приятная неожиданность,

[illegible]

иногда, что оттого, что на расстоянии пяти метров от ступеней вильнула еще одна ступень. Голосца — это не совсем верно, это спектакль БДТ. А спектакль здесь получился значительнейший. Мне как зрителю много хотелось сказать режиссеру: Ты вообще хотел, чтобы все было так ужасно? Ты хотел, чтобы на том, что как раз произошло — ужасно, чтобы его театральное слово, что хочешь, тышишь эту вину и дождя, глядящего